

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Максима Ивановича Кудринского «Гетерографические единицы в хеттских текстах», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Диссертация М.И. Кудринского посвящена малоизученной проблеме гетерограмм в хеттской клинописи. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списков сокращений и литературы и приложения.

Хеттские гетерограммы уже привлекали внимание исследователей, в том числе в недавнее время. Однако, как показывает диссертант, проведенные исследования оставили много лакун, а использованная в них методология не всегда была безупречна. В частности, данные об употреблении гетерограмм не использовались или использовались в недостаточной степени для реконструкции особого писцового жаргона, бывшего в ходу среди авторов и копиистов хеттских текстов. Как был устроен синтаксис этого жаргона, насколько специфичен был его лексический состав по сравнению с живым хеттским языком — эти и подобные вопросы относятся к еще слабо изученной области хеттского языкознания. Обращение к ним определяет научную новизну и актуальность рассматриваемой диссертации.

Во введении (с. 5–21) и первой главе (с. 22–47) диссертации автор ставит проблему своего исследования и уточняет терминологию. Диссертант демонстрирует дескриптивные изъяны терминов «логограмма», «идеограмма», а также «шумеро-» и «аккадограмма», применяемых в науке для описания неслоговых нефонетических знаков хеттского письма. С его точки зрения, более точно эти графемы можно охарактеризовать с помощью термина «гетерограмма», введенного в науку отечественным востоковедом И.М. Дьяконовым. Важным результатом главы является новое, уточненное определение понятия «гетерограмма» (с. 42).

Три последующие главы работы представляют собой основную часть исследования, в основу которого положен значительный корпус, включающий тексты всех периодов истории хеттского языка и письменности (полный перечень дан на с. 145–153). Значительный объем обследованного материала, его жанровая и хронологическая репрезентативность не оставляет сомнений в убедительности конечных выводов.

Во второй главе (с. 48–71) диссертант задается вопросом о соответствии между порядком слов в гетерографических написаниях и исходном устном сообщении. Одним из главных тестов, которые позволяют выявить это соотношение, является наблюдение над расположением сентенциальных клитик. Хотя в целом хеттологи уже обращали внимание на неканонические позиции клитик в гетерографических написаниях, системное описание этого феномена в специальной литературе до сих пор отсутствовало. Рассматриваемая диссертация восполняет эту существенную лакуну в хеттологии. Автор солидаризируется с уже утвердившейся точкой зрения о графической инверсии (прием, предполагающий присоединение на письме энклитик ко второму слову, записанному гетерограммами, при том что в устном источнике это слово занимало первую позицию), но также приводит и анализирует примеры, в которых правило графической инверсии не работает (с. 59–61). Для таких примеров предлагается двойное объяснение: в хеттском писцовом жаргоне было возможно чтение и диктовка нехеттских элементов текста на языке-источнике, шумерском или аккадском. Также хеттский писцовый жаргон, в отличие от живого хеттского языка, допускал именные группы с правым ветвлением. Выводы данной главы обладают несомненной научной новизной и вносят важный вклад не только в наши знания о хеттском синтаксисе, но и расширяют представления о традициях хеттской писцовой школы и принятых в ней принципах обучения письму.

Третья глава диссертации (с. 72–128) посвящена проблеме однозначности гетерографических написаний и также содержит ряд интересных выводов и наблюдений. Среди таковых нужно отметить заключение, что шумерограмма KUR («страна») могла не соответствовать какой-либо хеттской словоформе и функционировала в таких случаях как непроизносимый семантический маркер. Диссертант убедительно показывает, что однозначный переход от гетерограммы к устному источнику не всегда возможен.

Центральным для четвертой главы (с. 94–129) становится вопрос о функциях гетерографических написаний. В качестве таковых выделяются аббревиация, семантическая и синтаксическая аннотация. Если аббревиация облегчала работу писца, то разные виды аннотации способствовали более легкому и прозрачному восприятию текста читающим. Помимо указанных функций тестируются и другие возможные функции гетерограмм, однако диссертант приходит в отношении них к отрицательным выводам: гетерограммы не служили стилистическим маркером и не использовались писцами для передачи словоформ, чья слоговая орфография была подвержена варьированию. Стоит особо выделить наблюдения, сделанные автором в параграфе 4.4.2 относительно дистрибуции аккадографических предлогов *ANA* («к») и *INA* («в»). Выделенные

диссертантом закономерности использования этих элементов ценны не только в теоретическом плане, с точки зрения реконструкции хеттского писцового жаргона, но и важны в практическом плане, так как дают ключ к правильному пониманию и историко-филологической интерпретации большого числа контекстов. Интересно наблюдение, что аккадская *nota genitivi ŠA* функционирует в хеттских текстах как своего рода запятая (с. 117). Завершает главу рассмотрение гетерографических написаний в палайских и лувийских текстах. Автор убедительно демонстрирует ограниченное употребление гетерограмм в композициях на палайском и предполагает, что это могло быть связано с недостаточным знанием палайского языка хеттскими писцами. Кроме того, свою роль играли внелингвистические факторы: палайские тексты представляли собой в основном магические ритуалы, а действенность магических формул была напрямую связана с их точным произнесением, способствовать чему должна была максимально полная слоговая запись. Для лувийских текстов характерно более широкое использование гетерограмм, и, как показывает диссертант, они подчинялись тем же закономерностям, что и в хеттских композициях. Вместе с тем лувийские тексты имеют свою специфику: в них крайне мало аккадограмм и гетерографически записанных глагольных форм.

Заключение (с. 130–132) подводит итоги исследования и обобщает полученные результаты. Среди них нужно особо отметить принципиальный вывод о том, что передача точного языкового выражения не была приоритетом для писцов хеттских скрипториев при создании текстов на родном языке.

Представленный выше материал не оставляет никаких сомнений, что диссертация М.И. Кудринского является зрелым самостоятельным научным исследованием, вносящим важный вклад в еще слабо освоенную область хеттского языкознания. Проведенное исследование лежит на стыке нескольких гуманитарных специальностей: собственно, лингвистики, истории письма и сразу трех филологических дисциплин (хеттологии, ассириологии и шумерологии). Диссертант продемонстрировал уверенное владение методологией и новейшими достижениями всех этих дисциплин. Работу отличает продуманная, логичная структура, фундированность общих и частных выводов, тщательность филологического анализа. Диссертация написана ясным, чистым языком, текст автореферата полностью отражает основное содержание и выводы работы.

При общем положительном впечатлении от диссертации при ознакомлении с ней возникают отдельные вопросы преимущественно частного порядка. На с. 5 автор говорит о «древневавилонском курсиве», однако корректным в данном контексте является термин «старовавилонский». На с. 7 констатируются изменения внешнего вида знаков

клинописного письма, происходившие с течением времени и выразившиеся в утрате рисуночного характера и схематизации. Эти изменения относятся к III тысячелетию до н.э. со ссылкой на монографию И.Е. Гельба 1963 г. Между тем исследования самых ранних месопотамских текстов из Урука показали, что существенный отход от изобразительности знаков был совершен еще в рамках IV тысячелетия, при переходе о. стадии Урук IV к стадии Урук III (см., например, Nissen 2016). Не всегда корректными выглядят нормализации аккадских слов внутри хеттского текста (ср. сохранение избыточной диакритики в примерах 25, 39, 52, 77, 87), изредка наблюдается разноречивость в транслитерации одних и тех же шумерских знаков (GU₄ / GUD, ÉRIN / ERÍN). В хеттском тексте из примера 27 речь идет скорее о трехстах воинах, чем о трехстах отрядах. Хеттолог Кристель Рюстер является женщиной, а не мужчиной (ср. словосочетание «совместных работ Кристеля Рюстера и Эриха Ноя» на с. 38). Встречаются отдельные опечатки (Riecken > Rieken на с. 49, примеч. 6, с. 140). Издание писем из Машат-Хёюка не имеет отношения к серии Texte der Hethiter. При рассмотрении аббревиации как одной из базовых функций гетерограмм, возможно, стоило уделить внимание не только такому аспекту как количество знаков, но и их графическая сложность. Так, некоторые шумерограммы имеют столь громоздкий и сложный вид, что их запись не экономила ни пространства на табличке, ни времени и усилий писца. Поэтому можно предположить, что выбор писцов в их пользу диктовался не соображениями экономии и минимизации затрат, а какими-то другими факторами.

Все отмеченные недочеты никоим образом не снижают общего высокого научного уровня работы. Стоит особо отметить, что апробация диссертации прошла в виде публикаций в ведущих зарубежных периодических изданиях по востоковедению, а также в виде выступлений на представительных международных форумах. Автор удачно сочетает в своей работе достижения как отечественной, так и зарубежной востоковедной традиции.

Таким образом, диссертационное исследование М.И. Кудринского «Гетерографические единицы в хеттских текстах», представленное на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и полностью соответствует требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного

правительством Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор — Максим Иванович Кудринский — заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

Александров Борис Евгеньевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Подпись

Б.Е. Александров
заверяю

03.10.2018

119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 24/7,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Исторический факультет,
Кафедра истории древнего мира,
+7 (495) 939-33-04
ancient@hist.msu.ru

